

«Нас дружат согласные понятия и мысли...»

И. С. Кон. Дружба.

4-е издание. СПб., Питер, 2005

В заголовке мы вынесли несколько слов из словаря Даля, среди прочих призванных объяснить значение слова «дружба». Дружбе же посвящена и обстоятельная (330 страниц) книга видного нашего философа, социолога, историка Игоря Семеновича Кона.

Когда наука вступает в круг обиходных понятий, знакомых каждому и каждым понимаемых и применяемых по-своему, ее положение оказывается не слишком комфортным. Вот и сам автор замечает: четверть века назад, когда он только взялся за тему дружбы, коллега сказал ему с сожалением: «Жаль, что вы так рано отходите от настоящей науки...» Тому, кто обращается к подобным сюжетам, особенно если он имеет в виду «широкий круг читателей», действительно угрожает опасность, даже двойная: либо наговорить банальностей, которые простят другому собеседнику, но не ученому; либо же погрузить читателя в пучину схем, таблиц, формальных определений, с которыми тот не знает, что делать, и которые не может соотнести с жизненными реалиями, — и потому склонен подозревать, что автор наводит тень на ясный день, на манер крыловского Философа, рассуждавшего о том, «что есть веревка».

Книжке Игоря Кона много схем и таблиц, внушительный список литературы, не обходится он и без специальных терминов, необходимость которых мы готовы принять, читая научно-популярное сочинение о какой-нибудь астрофизике или теплотехнике, но которыестораживают нас, когда речь заходит о сюжетах, составляющих часть нашей жизни... Однако тот, кто преодолеет эту настороженность, будет вознагражден: он узнает немало нового, книга расширит горизонты его понимания за личные, сиоминутные пределы, послужит средством самопознания. На это и рассчитывает автор: ему важно, чтобы книга оказалась полезной не столько для специалистов, сколько для «массового читателя: родителей, учителей, социальных работников, студентов, вообще интеллигентов». Как вы уже заметили, это уже четвертое издание книги (первые три вышли в восьмидесятые годы почти полумиллионным общим тиражом, в сто раз, кстати, большим, чем нынешнее); автор не скрывает: «Самым приятным для меня было то, что ее запоем читали не только взрослые, но и многие подростки...; вот и теперь ему «хотелось бы, чтобы ее читали молодые юноши и девушки».

Это четвертое издание книги Игорю Кону пришлось во многом писать заново. В последние десятилетия в науку вошли новые факты и новые взгляды на них. Так, сексуальная революция вызвала, как пишет автор, «новый любовно-эротический дискурс», обогатила представления людей о том, как соотносятся любовь и дружба. По-

новому выглядят социально-психологические особенности мужской и женской дружбы. Стал необходим невозможный в советское время разговор о соотношении дружбы и однополю любви...

Но главное — изменилось само наше общество. Распадаются привычные социальные связи, происходит трудный переход к свободной экономике. «Стали ли люди действительно черствее и эгоистичнее, чем в советское время, или это нам только кажется? Чем отличаются дружеские отношения и ценности современных подростков от того, что мы зафиксировали 30 лет назад? Да и только ли в рыночных отношениях дело?» Многие из этих вопросов не имеют пока строгих научных ответов, но и предположительные суждения таких компетентных и вдумчивых специалистов, как Игорь Кон, многого стоят.

Попытка пересказать хотя бы малую часть сюжетов, таящихся в книге, — дело совершенно безнадежное. Попробуем откликнуться на немногие.

Оказывается, столь человеческое качество, как дружба, вовсе не только человеческое. Время от времени в популярных изданиях рассказывается, что вот в такой-то семье собачка живет в тесной дружбе с кошкой, а то и с хомяком. Воспринимается это как курьез: чего на свете не бывает; но ученые приглядывались к подобным курьезам, и постепенно росла уверенность, что тут возникает нечто, если не приближающееся к человеческой дружбе, то все же ее напоминающее, особенно если видеть в дружбе непосредственную эмоциональную привязанность двух существ друг к другу. Конечно, пес с котом не могут (на, во всяком случае) рассказать, чем они друг другу милы, но «избирательное сродство» (воспользуемся выражением Гёте) очевидно.

Данные исследований, на которые опирается Игорь Кон, кропотливо им сопоставленные, являют нам объемную картину, где дружба — одна из важнейших социальных и духовных скреп в обществах, порой в остальном разительно отличающихся друг от друга.

Уже на заре человечества, как только оно стало воплощать картины своего мира в письменных текстах, дружба обозначилась как один из важнейших элементов человеческих отношений. Какое из великих эпических творений прошлого — от «Илиады» до «Витязя в тигровой шкуре» — ни возьми, во всех дружба предстает как вернейшее мерило достоинства героя, его нравственной состоятельности. И, разумеется, нет гнуснее того, кто оставит друга в беде, предаст его.

Джорджо де Кирико.
Орест и Пилад.
Литография. 1972

«Царством подлинной дружбы», как отмечает Игорь Кон, всегда воспринималась в последующие века античная Греция. Тысячи и тысячи юношей, от школяров в средневековой Англии до гимназистов в российской провинции, называли себя Орестом и Пиладом или (те, кто претендовал на особую мужественность) Ахиллом и Патроком. Античные образцы задавали уровень нравственного поведения — порою высоко стоявший над окружающей обыденностью. И уже в античную пору начинается спор: что важнее — чувства родственные или дружеские. По мнению Платона, друзья гораздо ближе друг другу, чем мать и отец, ибо их «дети» (духовные плоды дружбы) гораздо возвышенней, прекраснее и долговечней, чем те, что возникают в отношениях родственников.

Средние века — эпоха рыцарства и крестовых походов — выдвинула на первый план, если можно так сказать, героическую дружбу, соратничество, готовность умереть «за други своя». Да ведь и русские былины и героические песни именно эту сторону отмечают и поднимают. Но живет и более мирная духовная связь — между книжниками, гуманистами, понимающими Писание прежде всего как призыв к единению людей. Настоятель монастыря в Рьеволксе (Англия, XII век) святой Аэльред, словно расширяя общепринятое «Бог есть любовь», формулирует так: «Бог есть дружба, и пребывающий в дружбе пребывает в Боге, и Бог в нем».

Духовная дружба эпохи гуманистов по сути своей не могла быть образцом для всех; скорее уделом избранных. Настоящий культ дружбы обретается в XVIII веке, когда, по выражению Игоря Кона, разыгрывается «томное адажио сентиментализма». Чувствительность, сердечные излияния, меланхолия — все то, что в рыцарской дружбе было бы нелепо-смешным, а в дружбе гуманистов комично-неуместным, становится поветрием, захватывающим почти всех, кто умеет читать, — вспомните старшую Ларину в «Онегине». Но это, так сказать, палка о двух концах: с одной стороны, идея дружбы проникает в такие слои общества и структуры сознания, где ее прежде и не осознавали; а с другой — девальвируется. Ни у кого из русских писателей, как у Пушкина, так много, так горячо, так восторженно не сказано о дружбе: друг истинный — это, пожалуй, лучшее, что дает жизнь. Но нередок в упоминании и друг ложный, коварный, изменивший...

Значимой теме «русской дружбы» в книге посвящена отдельная глава, так и названная. От былинных времен пошел на Руси такой своеобразный обычай, как побратимство, крестовое братство: двое обменивались нательными креста-

ми, иногда — одеждой, оружием, а также клятвой в верности и поцелуем, и становились, как сказано в одном тексте XVI века, каждый другому «со-страдальник и друг». Как вы помните, обычай этот жил долго: крестами обмениваются у Достоевского Мышкин и Рогожин. Но это уже специфический круг героев Достоевского; среди «людей 40-х годов» — Белинского, Бакунина, Герцена, Огарева — такой обряд показался бы нестерпимо искусственным; что не означало меньший градус дружеских эмоций. Каждый, кому приходилось знакомиться с текстами, относящимися к жизни людей первой половины XIX века, поражается интенсивности их дружеского общения; про устное мы знаем по мемуарам, а письменное воплощено в десятки и сотни страниц регулярных посланий: от Вяземского к А. Тургеневу, от Белинского к Бакунину, Боткину, Станкевичу. Многие в них кажется чрезмерным — выпреним, экзальтированным, многословным. Но такая безоглядность создавала особую, горячую атмосферу близости — как и породила множество обид и разочарований; ибо не всегда взаимные чувства равновесны и равносильны...

Историко-социологическая часть книги органически связана со второй, посвященной психологическим сюжетам и опирающейся на нее. («Без серьезной социальной истории психология дружбы выглядит довольно жалко», замечает автор.) Выпишем кое-что из оглавления книги: кодекс дружбы; у истоков детских привязанностей; с кем дружат старшеклассники; существует ли женская дружба; дружба и застенчивость; дружба в старости...

Со времен египетских папирусов, если не вавилонской клинописи, повелось сетовать: нравы упали, высокие чувства стали редки, истинная дружба и любовь недостижимы... Игорь Кон это предубеждение подвергает подробному и спокойному анализу, особенно необходимому потому, что новые времена, наставшие в России, погубили и загнали под лавку все высокие чувства и устремления. Исследователю, занимающемуся данной проблемой не один десяток лет, есть с чем сопоставить день сегодняшний: в советское время опросы и анкетирование по данной проблеме проводились не раз. И что же мы узнаем? Да, люди меньше пишут писем, информацию теперь больше добывают в Интернете, а не от знакомых, — но дружба по-прежнему занимает почетное третье место, после работы (как способа жизненного самоутверждения) и семьи. И не так уж разнятся показатели, полученные во взбаламученной России и устоявшейся Голландии.

Эта книга не расхожее пособие для мечтающих о дружбе и не легкое утешительное чтение для разочаровавшихся в ней. Автор проделал серьезную работу и вправе ожидать, что свою часть пути пройдет и вдумчивый читатель.

Последние строки книги: «Нравственный кодекс дружбы не просто плод воображения, а воплощение выработанных культурой представлений о том, какими *должны быть* человеческие взаимоотношения. И в той мере, в какой нам удастся быть на уровне этих принципов, мы реализуем этот кодекс и передаем его следующим поколениям».

В. Рыбаков